

Он вдруг почувствовал себя неловко, но его выражение лица оставалось холодным и строгим. Своими длинными ногами он за несколько шагов оказался рядом с тем, кто осмелился на столь дерзкий поступок:

— Пошли, парень, нам нужно серьезно поговорить.

Последние четыре слова прозвучали тяжело и медленно, словно предвещая что-то ужасное.

Это был лучший зал в Шанья, больше похожий на апартаменты, чем на обычную комнату. Помимо обеденной зоны, здесь была и комната для отдыха.

Цинь Чжэнь бывал здесь раньше, и, бросив беглый взгляд, сразу понял, где можно спокойно поговорить.

Обойдя резную перегородку, он обнаружил две симметрично расположенные комнаты, обе с открытыми дверями. Слева была чайная, справа — комната для отдыха.

Он положил руку на дверной косяк комнаты для отдыха, дождался, пока Цзи Тинсэнь войдет внутрь, и закрыл дверь.

Интерьер комнаты был выполнен в классическом стиле, с нотками старины.

Цзи Тинсэнь любил такой стиль, и его взгляд на мгновение задержался на роскошном диване у окна, подумав, что он, вероятно, предназначен для женщин.

Но это было неважно, ведь сейчас здесь никого, кроме них, не было.

Он незаметно поддержал поясницу.

Тот момент, когда Цинь Чжэнь схватил его за талию, пусть и длился всего пару секунд, оставил болезненное ощущение. Ему хотелось прилечь.

Но это было лишь мимолетное желание. Цинь Чжэнь выглядел так, словно готов был вынести суровый приговор, и если бы он сейчас расслабился, этот ребенок мог бы взорваться от гнева.

Когда Цинь Чжэнь уже сидел в широком кресле, положив руки на колени, явно готовый к долгому разговору, Цзи Тинсэнь сел напротив него.

Чтобы разрядить атмосферу, он начал первым:

— Как ты узнал, что я здесь?

Цинь Чжэнь ответил без выражения:

— Друг увидел тебя с Юань Нэном... Я тоже здесь должен был встретиться с кем-то...

Цзи Тинсэнь ожидал такого ответа. Его светлые глаза с мягкой улыбкой дополнили фразу:

— Ты знал, что Юань Нэн — нехороший человек, и поэтому беспокоился обо мне? Спасибо.

Опять это «спасибо».

Слова Цзи Тинсэня были безупречны, даже можно сказать, что они были полны вежливости, но для Цинь Чжэня они звучали как укол.

Его высокие скулы и прямой нос придавали ему строгий вид, даже когда он не улыбался:

— Говори, зачем ты встречался с Юань Нэном? И почему ты вообще с ним связался? Ты знаешь, кто он такой. Что, если бы что-то случилось?

Цзи Тинсэнь совсем его не боялся, он хорошо понимал, где злые намерения, а где добрые.

Внутри ему было и смешно, и тепло. Сколько лет прошло, а теперь впервые кто-то строго отчитывал его, говоря: «Что, если бы что-то случилось?»

Он не стал скрывать, рассказав всё: от того, как Бай Нин подвергался издевательствам со стороны Юань Нэна на съемочной площадке, до решения разобраться с этим, включая видео.

Если бы это спросил кто-то другой, он бы, конечно, скрыл, ведь лишние уши для Бай Нина были не нужны. Но Цинь Чжэнь, с его ресурсами и проницательностью, мог бы узнать всё что угодно.

К тому же, его застали за съемкой фотографий Юань Нэна, так что скрывать было бессмысленно.

Цинь Чжэнь тяжело выдохнул:

— Бай Нин... Почему ты ему помогаешь?

Два совершенно незнакомых человека, просто провели вместе два месяца на съемочной площадке, и вот он уже тратит столько сил. Это было непостижимо.

Цзи Тинсэнь вздохнул:

— Я не мог сдержаться. Такой маленький ребенок, глядя на него, я вспомнил... вспомнил Минжуя. К тому же, Юань Нэн, похоже, обратил на меня внимание, так что лучше было действовать первым.

Двадцатилетний ребенок, — с внутренней насмешкой подумал Цинь Чжэнь.

Всё, что у него было, он добился сам, и, возможно, из-за своей врожденной холодности, он не мог понять и не сопереживал ситуации Бай Нина, даже испытывал неприязнь.

Если Бай Нин так хорошо понимал, что Юань Нэн — мерзавец, зачем он тогда просил помощи у Цзи Тинсэня... Перекладывал проблему на других?

Хотя в голове крутилось множество мыслей, Цинь Чжэнь не стал их высказывать.

Несколько раз он хотел строго отчитать Цзи Тинсэня за его импульсивность и самонадеянность, даже за то, что он позволил себя использовать, но в ушах звучал мягкий и чистый упрек:

— Мне кажется, ты меня обижаешь.

В итоге он лишь сказал:

— Больше так не делай!

Но внутри бушевали гнев и сожаление. Этот человек был слишком хрупким, и если бы он

ударил Юань Нэна еще пару раз, было бы лучше.

Цзи Тинсэнь достал из-под стола бутылку воды, ослабил крышку и поставил перед Цинь Чжэнем:

— Я знаю меру, не волнуйся.

Цинь Чжэнь не заметил, что его губы казались сухими до трещин, но жажда действительно была.

В клубе он не пил ни капли алкоголя, а потом сразу сюда, поднялся на несколько этажей. Физически он справлялся, но чувство тревоги до сих пор не улеглось.

И всё это ради слов «Я знаю меру»?

Внутри всё горело, и даже выпив половину бутылки воды, он не смог успокоиться:

— Ты знаешь меру? Если бы всё было под контролем, то почему твоя одежда... В этот раз тебе повезло, но в следующий... Что, если бы в комнате были сообщники Юань Нэна? Он мог бы подсыпать тебе что-то или ударить, когда ты не ожидаешь?

Цзи Тинсэнь хотел сказать, что он не притронулся к воде, проанализировал характер Юань Нэна и знал, что ничего не случится.

Но, глядя на яркие и острые глаза Цинь Чжэня, чувствуя его искреннюю заботу, он открыл рот и в конечном итоге мягко и успокаивающе сказал:

— Я понял.

Очевидно, Цинь Чжэнь не был таким пустым человеком, как Юань Нэн, и легко почувствовал, что Цзи Тинсэнь его просто успокаивает.

Да, он совсем не осознал своей ошибки, это было просто успокоение!

Он встал, его почти двухметровый рост в джинсах и кожаной куртке выглядел мощно и внушительно, излучая мужскую уверенность и авторитет.

Как разъяренный вожак стаи, он жаждал поединка, чтобы подтвердить свое положение.

Он протянул руку к сидящему молодому человеку, предлагая встать:

— Вставай! Ты же знаешь меру, я покажу тебе, чем заканчивается ее нарушение.

Цзи Тинсэню всё еще было больно в пояснице, и он не хотел драться, конечно, и уж тем более не хотел спарринга.

Но у него было предчувствие, что если он сейчас откажет Цинь Чжэню, то в будущем тот будет использовать это как повод для вмешательства.

Он уже ощущал на себе силу Цинь Чжэня, так что... лучше не стоит.

Цзи Тинсэнь системно изучал навыки самозащиты, включая борьбу, плавание, выживание в дикой природе и так далее. Цинь Чжэнь же в юности любил драться, а после возвращения в семью Цинь его непокорный характер был скрыт под маской приличия. Однако он нанял

тренера для занятий боксом, у него был талант, и он побеждал одного тренера за другим, пока в итоге не стал тренироваться самостоятельно на боксерской груше.

Короче говоря, Цзи Тинсэнь был представителем академического стиля, да еще и из другого времени, а Цинь Чжэнь — это талант и практика, причем последний имел явное преимущество в физических данных.

Результат был очевиден: Цзи Тинсэнь потерпел поражение.

Он оказался прижат Цинь Чжэнем к дивану, но не злился, так как ожидал такого исхода, и спокойно сказал:

— Хотя я и уступаю тебе, но ты видишь, что я могу постоять за себя.

Цинь Чжэнь коротко и безжалостно усмехнулся:

— Ты думаешь, я шучу?

Он скрутил руки Цзи Тинсэня за спину, почти одной рукой схватив оба запястья, заставляя его приподняться, как хрупкую птицу на грани смерти.

Его взгляд скользнул по длинной шее, которая стала еще более заметной из-за положения, и он начал расстегивать пуговицы рубашки, одна за другой. Его серо-голубые глаза оставались холодными и острыми, словно он обращался с добычей:

— Вот так Юань Нэн с тобой бы поступил?

Он наклонился, его горячее дыхание коснулось прекрасного и хрупкого тела, от уха до щеки, а затем до шеи:

— Если бы это был кто-то другой, он не был бы так мягок. Он порвал бы твою одежду, унизил бы тебя, а если бы ты сопротивлялся, то просто вырубил бы тебя... Ты не хочешь знать, насколько плохим может быть человек!

Особенно если добыча так прекрасна.

Цинь Чжэнь был полон решимости преподать Цзи Тинсэню урок, не сдерживая себя, и даже невольно перенес весь свой вес на него, его губы и зубы жаждали поглотить всю нежность и красоту, что была перед его глазами.

Особенно когда он вспомнил, как ворвался в комнату, и этот прекрасный, как цветок, человек оказался похож на леопарда, с его яркой и наивной грацией... Это было так привлекательно и глупо!

В тот момент, когда его разум был на грани срыва, его губы коснулись чего-то немного грубоватого по сравнению с тканью и кожей.

Это была буква «J», вышитая на воротнике рубашки.

Цинь Чжэнь внезапно очнулся: что я делаю?